О. А. Ускова

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КОНТИНУУМ МЕТАЯЗЫКА БИЗНЕСА В ПАРАДИГМАХ ЛОГИКИ И СИНЕРГЕТИКИ

В статье представлено континуальное описание метаязыка бизнеса как нового лингвистического феномена. Подробно рассматривается понятие языкового пространства с позиций разных подходов: логического, когнитивного, синергетического.

Языковое пространство метаязыка бизнеса моделируется в рамках теории концептуальной интеграции Фоконье, согласно которой гиперпространство метаязыка бизнеса образуется на базе входящих пространств, но не является простой их суммой. Такими пространствами являются концептуальное, интенциональное и стилевое, каждое из которых связано с пространством референции.

Метаязык бизнеса находится в стадии становления, поэтому может квалифицироваться как неравновесная система, в которой отмечаются состояния-аттракторы (зоны устойчивости). С этих позиций рассматривается каждое из входящих пространств, их объекты и динамика.

Исследование показало достаточную сформированность входящих пространств, что свидетельствует, несмотря на постоянные воздействия извне, о наличии определенной устойчивости метаязыка бизнеса.

O. Uskova

SPACE-TIME CONTINUUM OF BUSINESS METALANGUAGE IN PARADIGMS OF LOGIC AND SYNERGETICS

The article presents a continuous description of the business metalanguage as a new linguistic phenomenon. The concept of language space is considered in detail from different points of view, such as logical, synergetic and cognitive ones.

The business metalanguage space is modeled within the framework of the conceptual integration theory by G. Fauconnier. According to it, the business metalanguage hyperspace is formed on the basis of incoming spaces, but not just by means of addition of these spaces. These spaces are conceptual, intentional and style ones; each of them is connected with the reference space.

The business metalanguage is currently at the establishment stage; thus, it can be considered as a nonequilibrium system, in which attractor-states (stability zones) exist. Each of incoming spaces, their objects and dynamics are investigated from the above-mentioned positions.

The study showed sufficient completion of incoming spaces, which is evidence of certain stability of the business metalanguage, in spite of constant external impacts.

Термин ***«языковое пространство»*** используется в современной лингвистике очень часто. Однако общего понимания, что понимать под языковым пространством, т. е. классического, устоявшегося определения, пока нет.

В классической науке ***пространство*** в общем случае представляет собой набор

объектов и операций между ними. Эвклидово линейное пространство определяет существующий набор аксиом и набор объектов, которые принимаются без определения, т.е. эвклидово пространство – это пространство объектов.

Однако объекты эвклидова пространства существуют в независящем от них пространстве. Более того, чтобы иметь возможность оперировать объектами этого пространства необходимо пойти на существенные и сложные упрощения, «идеализацию» реальных объектов. Это, однако, компенсируется тем, что с такими объектами, описанными определениями и аксиомами, можно вести операции очень точно и единообразно. И именно это позволяет нам соединить обыденно очевидное с его абстрактными образами.

Исходные обобщения дают возможность установить соответствие между реальными объектами и их приближенными эквивалентами.

Следовательно, языковое пространство определяет набор языковых объектов (т. е. языковых единиц) и существующий набор языковых универсалий, выражающих общие свойства, относящиеся ко всем языковым уровням, которые принимаются без определения и тем самым задают аксиоматику языкового пространства.

Чтобы объект был объектом языкового пространства, необходимо и достаточно, чтобы выполнялся набор определенных утверждений, которые формулируются обычно так: «для всякого противопоставления маркированный член имеет более редкую встречаемость, чем немаркированный» или «если субъект в языке стоит перед глаголом и объект стоит перед глаголом, то в языке есть падеж».

Для каждой подсистемы языка существует свой определенный законченный (что очень важно!) набор утверждений (аксиом). Постулаты одного уровня не применимы к языковым единицам другого уровня. Здесь применяется принцип, который используется для решения конкретных практических задач, когда для каждой конкретной задачи или группы задач формулируется частная система исходных упрощений. В этом случае не совсем корректно использовать термин «аксиома».

Преобразование языковых единиц в линейном пространстве происходит при помощи ***операторов***. Например, оператор абстракции: *денотат имени N = f (смысл имени N)* этот оператор выделяет то, что стоит в правой части: имя данного денотата[1].

Наиболее строго в логическом плане языковое пространство представлено с позиций семиотики Ю. С. Степановым, который квалифицирует это пространство как трехмерное – *семантическое, синтактическое и прагматическое*. В рамках семантического пространства существуют отношения знаков к объектам действительности и понятиям о них, синтактического – отношения знаков друг к другу, прагматического – отношения знаков и пользователя языком[2].

Рассматривая язык в ментальном пространстве в его связи с глубинным устройством человеческого знания, Ю. С. Степанов моделирует трехмерное пространство языка. «В качестве основания выбираем явление языка, непосредственно данное в опыте, – *высказывание;* выделяем его абстрактную основу – *пропозициональную функцию;* затем конструируем три модели естественного языка, начиная с самой простой, – Язык-1, Язык-2, Язык-3, различающиеся прежде всего своими высказываниями, а следовательно, и пропозициональными функциями; и, наконец, переходя от Языка-1 к Языку-2 и далее к Языку-3, вводим некоторые основные проблемы семантики, синтактики и прагматики (дектики)». Таким образом, модель константной составляющей языка строится на основе прежде всего тех объективных параметров языка, которые определяют каждую из парадигм.

По сути дела ***логический подход*** строит интегрируемые системы, для которых возможно с помощью преобразователя исключить взаимодействие. Любую такого рода

систему можно представить в совокупности подсистем, каждая из которых изменяется в полной изоляции от других. Но в том-то все и дело, что исключить взаимодействие невозможно! Это означает «отказ от незыблемого убеждения в однородности динамического мира, в его сводимости к интегрируемым системам»[3].

В рамках этого подхода создаются системы, которые уже по определению представляют систему языка как некую сеть, которая «набрасывается» на факты. Кроме того, сложность определения пространства вызвана еще и тем, что объекты Эвклидова пространства существуют в *не зависящем* от них пространстве.

В этом случае асистемные явления квалифицируются либо как исключения, которыми можно пренебречь, либо, в лучшем случае, как переходные между двумя или несколькими классами объектов.

Однако, как известно, исключения в одной системе являются правилом для системы более высокого уровня. Такие системы являются объектом исследования междисциплинарных наук, цель которых – выявить наиболее общие закономерности.

Так, например, ***когнитивный подход*** к анализу языковой системы требует учета таких факторов, как память, принципы восприятия мира, характер воображения, обработка информации при помощи органов чувств, т. е. набор определенных «модальностей», по Е. С. Кубряковой[4], который обеспечивает языку возможность создания интегральной картины воспринятого[5].

Однако подчеркивается, что особенности языковых единиц связаны прежде всего с их собственной природой и когнитивно мотивированными *ограничениями* в виде языковых универсалий, которые «накладываются» на существующие языковые формы.

Поэтому, развивая идеи Р. Джекендоффа, принято различать собственно *лингвистические ограничения* в строении языка (аксиомы-универсалии) и *когнитивные ограничения* более общего плана, вызванные закономерностями когниции. Таким образом, когнитивная лингвистика разграничивает лингвистическое и когнитивное пространства.

В целом можно сказать, что и логический, и когнитивный подходы базируются на незыблемом основании однородности пространства и времени, симметрии. Принципиальное отличие лингвосинергетики заключается в том, что в поле зрения исследователя оказываются те состояния языковой системы, где эти положения нарушены, а система находится в неравновесном (нестабильном) состоянии.

Метаязык бизеса на сегодняшний день фактически является именно такой диссипативной системой, испытывающей воздействия извне (так как сама бизнес-среда в России пока находится в стадии формирования, и язык не успевает достаточно быстро и адекватно реагировать на потребности пользователей).

Однако, по мысли И. Пригожина, диссипация является отнюдь не «отрицательным свойством», сигнализирующем о деградации системы, а лишь показателем того, что объекты становятся «управляемыми не до конца», т.е. иногда происходит их «самопроизвольное изменение».

С позиций ***синергетики*** языковые объекты существуют одновременно во времени и пространстве, т. е. в *пространственно-временном континууме.* Это означает следующее:

1. Языковое явление рассматривается как отдельная процессуальная стадия его собственной эволюции.

2. Развертывание процессов в разных областях эволюционирующей системы содержит информацию о прошлом и будущем развитии системы.

Следует отмеить, что существует несколько уровней понимания категории *времени.*

В рамках логического подхода используется понятие *хронологического времени*, основные характеристики которого – *одномерность и однонаправленность.*

Однако, как справедливо отмечает И. Г. Меликишвили, отношение человека ко времени, которое в языке отражается категориями настоящего, прошедшего и бу-

дущего, *независимо* от хронологического времени[6].

М. Хайдеггер вводит понятие *трехмерного времени*, которое характеризуют:

- осуществленность;
- настоящее;
- наступающее.

Взаимосвязь этих трех измерений представляет собой *четвертое измерение*[7].

Это положение Хайдеггера напрямую связано с парадигмой И. Пригожина и, можно сказать, при некотором допущении является ее следствием: различие между прошлым и будущим, т. е. необратимость времени, возникает только тогда, когда система ведет себя в значительной мере случайным образом.

Суть концепции Пригожина заключается в том, что в состояниях далеких от равновесия происходит значительное перераспределение материи (в нашем случае языковой) во времени и пространстве. Главное – ни один момент времени не тождествен предшествующему. События в целом не воспроизводимы, и, как следствие этого, время обладает направленностью («стрела времени» Эддингтона) и становится необратимым: «стрела времени является проявлением того факта, что будущее не задано».

Очень важно отметить, что такого рода односторонне направленные во времени процессы не являются отклонениями от мира с обратимым временем. Как правило, ситуация в реальности принципиально иная! Именно время в замкнутых системах (которые вряд ли встречаются в действительности!) является большой редкостью. По выражению И. Пригожина, «Мир, в котором все траектории обратимы, – поистине странный мир!».

Понятие «стрелы времени» тесно связано с понятием энтропии, которое преобразуется в синергетике в «показатель эволюции» системы, так как «возрастающая энтропия соответствует самопроизвольной эволюции системы».

Пригожинская парадигма, как пишет О. Тоффлер, «акцентирует внимание на аспектах реальности, наиболее характерных для современной стадии ускоренных социальных изменений: разупорядоченности, неустойчивости, разнообразии, неравновесии, нелинейностных соотношениях, в которых малый сигнал на входе может вызвать сколь угодно сильный отклик на выходе и темпоральности – повышенной чувствительности к ходу времени»[8].

Следует признать, что интерпретация *лингвистического времени* как неодномерного явления более адекватна реальности.

С одной стороны, «сам язык строит мысль»[9]. С другой – надличностная языковая форма используется для обозначения *актуального смысла*, который может быть выражен *принципиально неограниченным количеством* языковых форм.

Это становится возможным только в том случае, если любое языковое явление рассматривать как отдельную процессуальную стадию его эволюции, «при этом учитывая, что разнонаправленное развертывание процессов в разных областях эволюционирующей системы содержит информацию о прошлом и будущем развитии системы»[10].

Поведение системы в пространстве, с позиций синергетического подхода, зависит от состояний системы. В равновесных условиях система статична, в слабо неравновесных существует линейная зависимость. В сильно неравновесных условиях обнаруживаются отклонения от того типа порядка, который диктуется равновесным состоянием. На глобальном уровне структуры инертны по определению, неравновесные структуры отличаются нелинейностью.

Кроме того, в равновесных и слабо неравновесных состояниях система пространственно однородна. В сильно неравновесных состояниях возникают разные типы неустойчивости, усиливаются флуктуации, что ведет к нарушению пространственной симметрии, начинаются процессы самоорганизации, которые приводят в конечном счете к появлению новых пространственных структур.

Однако «в «живых» системах обратная связь между следствиями и причинами является скорее правилом, чем исключением, в силу ее необычайной сложности, так как одни реакции проходят в слабо неравновесных условиях, а другие – в сильно неравновесных». Языковая система, несомненно, относится к подобным системам. В ней отмечаются все указанные типы условий, именно ее открытостью внешней среде объясняется наличие одновременно разных состояний.

Исследование пространственно-временного континуума языка открывает новые ракурсы проблемы места человека в саморазвивающемся мире, поэтому оно заслуживает более подробного анализа.

Применительно к языковой системе *континуум* понимается как всеобщая форма бытия языка, в которой на основе пространства и времени обеспечивается специфика содержания, относительная автономность и самодостаточность языка.

Континуум представляет собой один из вариантов конституирования целостности языковой системы: как способ бытия языка он самовоспроизводит себя через единство формы и содержания. Благодаря этой его особенности прослеживается единство становления и устойчивости целостности языка, в пределах которой развертывается все многообразие его свойств и отношений. Пространственно-временной континуум языка по сути подвижный контур, который обеспечивает связь целого и его частей, внутреннего и внешнего, общего и единичного, выявляя зависимость тех или иных свойств от некоторых константных состояний его бытия.

Синергетика способствует конкретизации проблемы пространственно-временного континуума языка. Становление систем «порядка из хаоса» в русле данного направления рассматривается абстрактно от содержания любых процессов самоорганизации, тем самым внимание фокусируется на формальной стороне связи пространственных и временных процессов. *Время* в этом случае выражается в периодичности и ритмике флуктуаций системы в границах устойчивости, а *пространство* – в способе организации системы и ее подсистем, порядке их координации и субординации[11].

Связь пространства и времени в синергетике выражена опосредованно через устойчивую самоорганизацию. При этом выявляются условия существования одной формы в контексте другой.

Так, внутренняя ритмика системы, которая выражает ее время, зависит от *масштаба системы, а следовательно, от ее пространства*: чем более сложно организовано пространство (т. е. чем больше в нем компонентов, отношений и измерений), тем более широкий диапазон флуктуаций системы, что, естественно, предполагает больший потенциал для более длительного самовоспроизводства, иными словами – бытия системы во времени. И, наоборот, ритмически простые и интенсивные системы не могут долго сохранять сложную организацию пространства.

Язык имеет характеристики сложно организованной саморазвивающейся системы, и его пространство-время подчиняются этим общим закономерностям. Достаточно посмотреть на такую категорию, как стиль: чем шире и глубже в пространстве языка распространен тот или иной стиль, тем более долгим оказывается его бытие. Соответственно, чем более сложным будет организовано подпространство метаязыка бизнеса, тем более устойчивым будет его существование во времени.

Итак, с точки зрения синергетики язык является не пассивным передатчиком информации, а сам является активным началом, несет в себе свои *пространство и время*, сам себя организует.

Каким образом язык способен трансформировать опосредованную связь пространства и времени в парадигме синергетики?

Содержание саморегулируемых систем определяет *порядок*, т. е. способ бытия системы, и, как следствие, особую форму, в которой выражено ее содержание. Этот порядок

устанавливает определенного типа связи между пространством и временем, но не друг через друга, а в их опосредовании системой.

Сам «порядок» изменяется во многом благодаря *превращениям его пространства и времени*. Это выражается в изменении приоритетности каждой из этих форм, в следствие чего происходит изменение ритмики колебаний системы, что вызывает перемещения центра ее пространства.

Однако существуют и другие механизмы трансформации порядка через пространство и время. Рождение нового порядка, в частности, метаязыка бизнеса, связано с нарушением исходной пространственно-временной симметрии. Сначала возникает *временная неоднородность*, когда язык не успевает отвечать на вызовы времени и подвергается большому воздействию извне. Затем один из возможных путей развития метаязыка становится более предпочтительным. И, наконец, возникает новая *пространственная неоднородность* – появляется новая иерархия в языке, формируется метаязык.

Само появление и нарастание неоднородности пространства-времени в языке вызывает изменения на уровне содержания, предполагающие трансформацию в его глубинных структурах, возникают новые смыслы, *актуальные* в данных условиях. Это, в свою очередь, связано уже с *субъектом*, что влечет за собой формирование нового «порядка» в языковой системе, где связующим элементом пространства и времени становится уже не система, а субъект.

Появление новых *актуальных смыслов* – наиболее вероятная причина формирования неоднородности пространства-времени в языке. Смысл, порождаемый субъектом, требует некоторой сложившейся конструкции, в следствие чего язык постоянно трансцендентирует, открывая новые «миры» и осваивая виртуальную реальность.

Следует сделать важные замечания, касающиеся особенностей лингвосинергетического подхода.

Первое. Синергетика представляет изменение «порядка» системы через флуктуации, порождающие новые «порядки» (и новые метаязыки). В то же время континуальное пространственно-временное описание языка ориентирует на обеспечение развития «порядка» в рамках определенной заданности константной субъектной основы языка.

Второе. В синергетике порядок выражен как бы объектно, т. е. распределение элементов, отношений, структур подчиняется не столько смыслу, сколько условиям самоорганизации как мера противодействия хаосу (ведь цель системы – самовыживание). Язык же как самоорганизующаяся система преследует другую цель – выйти за свои пределы, чтобы удовлетворить коммуникативные потребности субъекта.

Таким образом, лингвосинергетический подход к анализу находящегося в стадии становления метаязыка бизнеса предлагает не ограничиваться одной только категорией пространства. В силу того, что «стрела времени», или необратимость изменений системы, является одним из основных понятий синергетики, пространство рассматривается в неразрывной связи с категорией времени как пространственно-временной континуум, в рамках которого происходит их взаимодействие.

Для предмета нашего исследования – метаязыка бизнеса – актуальной представляется ***теория концептуальной интеграции*** *Марка Тернера – Жиля Фоконье*, которая получила распространение как ***концепция смешанных ментальных пространств (блендов)***.

В модели Тернера-Фоконье гибридное ментальное пространство – бленд – является результатом проекции двух исходных пространств, которые не сливаются друг с другом и не переходят друг в друга, так как имеют разные объекты. Структурное выравнивание входящих пространств происходит в *общем, родовом пространстве (generic)*, которое в отличие от нового бленда, абстрактно и схематично.

Блендинг является универсальным когнитивным механизмом, имеющим разрешающую способность в области метафоры,

аналогий, дериватов и комбинированных грамматических конструкций, а также в других лингвистических и нелингвистических областях знания.

Кроме того, предложенная Фоконье модель является базовой и может усложняться путем увеличением числа входных и родовых пространств, в пределе образуя гипербленд.

В нашем исследовании в качестве такого гипербленда выступает пространство метаязыка бизнеса, взятое как единое целое, которое в пространстве русского языка образует свое подпространство.

Для адекватного представления пространства метаязыка бизнеса считаем возможным использовать предложенную модель блендов, представляющих собой концептуальное, интенциональное и стилевое пространства, каждое из которых имеет свои связи с пространством референции метаязыка бизнеса.

Таким образом, ***подпространство метаязыка бизнеса*** можно определить как структурированную модель отношений между сущностями, которая обеспечивается правилами и структурными принципами, необходимыми для адекватного представления в языковом пространстве объектов, имеющих отношение к хозяйственной деятельности, их семантики и специфики в языковом пространстве.

Это подпространство мы рассматриваем как гипербленд метаязыка бизнеса, который представляет собой достаточно самостоятельное и автономное языковое явление. Тем не менее, как уже отмечалось, метаязык бизнеса находится в стадии становления, поэтому представить законченную картину данного языкового пространства в принципе не реально, можно только очертить его контуры.

«Вещественный» мир в ментальном пространстве метаязыка бизнеса ограничивается той его частью, которая относится к объектам ***артефактного мира*** (т. е. «предметам», являющимся результатом человеческой деятельности). Артефакты метаязыка бизнеса: продукция, хозяйственные объекты (оборудование, сырье, материалы и т. д.), транспортные средства, оргтехника, средства платежа и т. д.

Референция субъектного мира (*мира личности*) представляет собой отношения, которые складываются между субъектами в процессе деятельности. В свете этого положения языковая реальность метаязыка бизнеса – профессиональное общение в этой сфере.

В настоящее время под *профессиональным общением* в сфере бизнеса понимается социальное взаимодействие, основой которого является коммерческий обмен продуктами материального и интеллектуального характера. *Предметом общения* в сфере бизнеса является предпринимательство, включающее производство товаров, оказание услуг, их финансирование, продвижение на рынок и реализацию.

Модель ментального мира (референция) метаязыка бизнеса в основе своей представляет полную модель хозяйственной деятельности, охватывающей такие области, как:

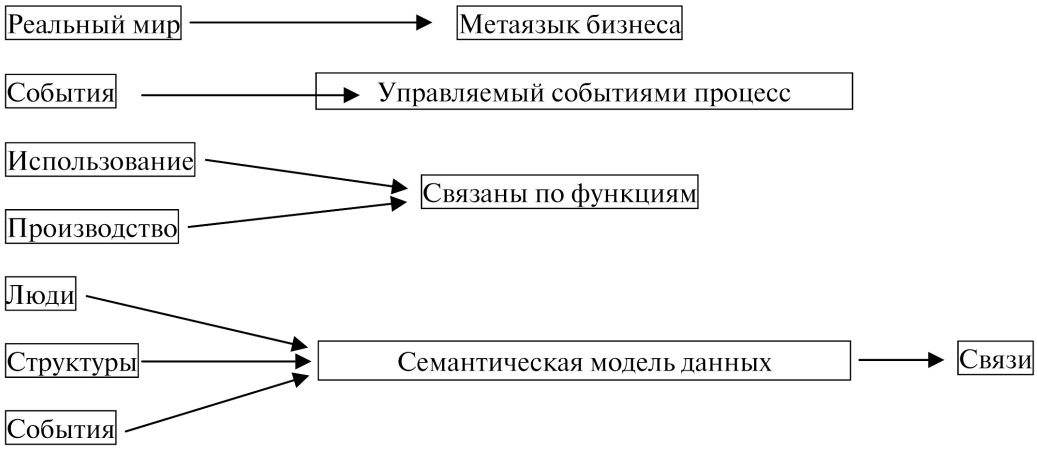
- финансовая бухгалтерия, контроллинг, управление основными средствами, управление материальными потоками, производственное планирование и управление, сбыт, управление качеством, управление проектами, управление предоставляемыми услугами, управление персоналом, офисная коммуникация.

Метаязык бизнеса описывает хозяйственные процессы. Структура хозяйственных объектов и процессы, протекающие на их основе, представляются с перспективы уровня всего предприятия. В этом случае становится доступной для охвата и понимания вся сложность интегрированных объектов и процессов: структура четко определяет, кто и что и с какими объектами может делать на предприятии.

Моделирование процессов отражает динамический аспект бизнес-деятельности.

Экстраполяция этой деятельности осуществляется в языке при помощи тематико-ситуативной обусловленности профессионального общения в сфере бизнеса.

Схема



Представляя референцию метаязыка бизнеса, мы использовали возможности, которые предоставляют:

- логический подход: моделирование пространства, его объектов и связей между ними;
- когнитивный подход, позволяющий прояснить отношения, существующие в триаде «когнитивные процессы – языковые структуры – языковое поведение» с целью создания интегрированной картины языка, мышления и поведения людей;
- синергетический подход, в соответствии с которым новое (метаязык бизнеса) возникает в окружающей человека среде в результате флуктуаций как нечто непредсказуемое и невыводимое из наличного, с одной стороны, и в то же время это новое «запрограммировано» в виде спектра возможных путей развития, спектра относительно устойчивых структур – аттракторов эволюции» (Г. Хакен).

Для адекватного представления такого сложного мира, как мир личности, который постоянно находится в движении, в состоянии неустойчивости, целесообразно использовать синергетический подход.

На примере метаязыка бизнеса можно отчетливо проследить взаимозависимость реальности и языковой системы. Если на сегодняшний день можно констатировать, что в России бизнес-среда находится в стадии формирования, т. е. достаточно неустойчива, то и языковая система как таковая постоянно испытывает флуктуации (возмущения), т. е. функционирует в режиме неопределенности, нестабильности. Это, в свою очередь, приводит к тому, что начинаются процессы самоорганизации языка, которые протекают следующим образом.

Известно, что соответствие формы и содержания в языковом знаке, по закону С. О. Карцевского, асимметрично. В ситуации, когда язык функционирует как неравновесная, диссипативная система, это соответствие определяется конкретной ситуацией, расставляющей акценты и приоритеты, что, в свою очередь, предопределяет динамику языка.

С этих позиций, как уже отмечалось, подпространство метаязыка бизнеса определяется его *тематической* и *ситуативной* обусловленностью. В качестве аттракторов для формирующегося метаязыка выступают *тематические поля*, включающие *темы, подтемы*, в зоне действия которых возникают *ситуации* общения.

Выделяется семь тематических полей: *стратегия, финансы, проект, маркетинг и продажи, логистика, HR (человеческие ресурсы), PR (связи с общественностью)*.

Конституирующий характер этих составляющих определяется тем, что через них раскрывается *модель речевого поведения* пользователя данным метаязыком. *Тема* отражает предметное содержание общения

(о чем говорят, пишут). *Подтемы* конкретизируют содержание общения в пределах темы. В свою очередь, *ситуация* отражает речевое поведение коммуникантов и включает в себя три главных момента:

а) функциональное место общения / вид общения;

б) социальные роли коммуникантов;

в) цель их общения.

Например,

а) офис компании / переговоры;

б) менеджер по логистике компании-заказчика, менеджер по сбыту компании-поставщика;

в) заключение договора о поставках.

Достижение нужных (экстралингвистических) целей осуществляется коммуникантами через решение соответствующих *коммуникативных задач*.

Например, тематическое поле 1. *Стратегия*

Ситуация – *Перспективы развития компании*

а) офис компании / совещание;

б) топ-менеджмент компании, генеральный менеджер;

в) обсуждение перспектив развития компании.

Коммуникативные задачи:

- доклад генерального менеджера о перспективах развития компании:

а) увеличение числа направлений бизнеса;

б) освоение новых рынков;

в) разработка новых проектов:

- обсуждение доклада участниками совещания
- разработка плана развития компании

Сложность окружающей действительности, ее разупорядоченность, неоднородность, с одной стороны, и определенная структурированность, с другой, неизбежно ведет к усложнению коммуникативных задач, провоцирует индивидуализацию и множественность смысла.

Таким образом, состояние системы метаязыка бизнеса в целом характеризуется нестабильностью, она постоянно флуктуирует, в движении находится и пространство референции и, соответственно, непосредственно связано с ним входящие пространства:

- концептуальное;
- интенциональное;
- стилевое.

Рассмотрим каждое из составляющих пространств.

Концептуальное пространство. Объекты – концепты, общие понятия и актуальные смыслы метаязыка бизнеса.

Интерпретация этих объектов требует синтеза разных подходов: концепты, понятия, общие понятия – логического и когнитивного, актуальные смыслы – когнитивного и синергетического.

При описании конститутивной составляющей подпространства метаязыка бизнеса когнитивный подход находит свое применение и оказывается особенно плодотворным, так как когнитивный уровень охватывает интеллектуальную сферу личности, а единицы данного уровня, к которым Ю. Н. Караулов относит понятия, идеи, концепты, создают более или менее систематизированную и упорядоченную «картину мира»[12].

Под *концептами* мы понимаем совокупность представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний в сознании человека, которые связны с определенной лексической единицей. Каждый концепт метаязыка бизнеса закреплен за определенным сегментом пространства референции: он как бы вбирает в себя этот сегмент реальности в сжатой, концентрированной форме. Фактически концепт является номинацией сегмента внеязыковой реальности.

Актуальные смыслы – это информационные единицы, или ментальные содержания, которые организованы в пропозициональные схемы при помощи структурных отношений или функций.

Можно говорить о новом метаязыке как о свершившемся факте только в том случае, если существует его концептуальное пространство, т.е. определились его концепты и новые смыслы, актуальные для данного сегмента реальности.

В нашем случае можно констатировать, что к настоящему времени получили оформленность базовые концепты метаязыка – *бизнес, товар, менеджмент* и концепты основных бизнес-процессов (почти все они являются номинациями тематических полей референции): *стратегия, финансы, маркетинг, логистика, HR, PR.*

В качестве аттракторов концептуального пространства выступают общие понятия, которые принимают непосредственное участие в формировании актуальных смыслов: *субъект, объект (качество, количество* – как характеристики объекта), *пространство, время, движение, отношения (тождество / равенство, соответствие / несоответствие, условие).*

Концептуальное пространство метаязыка бизнеса чрезвычайно подвижно, о чем говорит то, что в качестве аттракторов могут выступать и некоторые актуальные смыслы. Например, актуальный смысл «действия и реакции» образует зону притяжения для таких актуальных смыслов, как «инициация», «содействие», «взаимодействие», «санкции».

Таким образом, концептуальное пространство метаязыка бизнеса определяется сложной системой корреляций устойчивых и неустойчивых состояний его концептов и актуальных смыслов. Это приводит к возникновению новой системы смыслов, которая инициируется исходной системой, но не является равной совокупности ее смыслов.

Интенциональное пространство. Объекты – интенции, которые заключают в себе мотив и цель выказывания. Интенциональное пространство метаязыка бизнеса тесно связано с пространством референции, так как интенции в совокупности с темой высказывания и языковыми средствами их выражения образуют речевые действия.

Интенциональный строй не менее динамичен, чем другие. Однако в этом постоянно меняющемся пространстве также можно установить состояния-аттракторы, в качестве которых выступают выделенные Н. И. Формановской[13] коммуникативно-семантические группы: *репрезентативы (сообщения), декларативы (декларации, объяления), директивы (побуждения), комиссивы (обязательства), рогативы (вопросы и запросы), экспрессивы (выражение эмоций), контактивы (выражения речевого этикета).*

Интенции, которые фактически определяют специфику интенционального пространства метаязыка бизнеса следующие:

- *репрезентативы (информирование, сообщение, аргументация, акцентирование, условие, последовательность действий/ этапов, иллюстрирование / показ, учет);*
- *комиссивы (обязательства, обязанности, гарантии);*
- *экспрессивы (одобрение /неодобрение, претензия);*
- *рогативы (запросы).*

Однако это не означает, что существуют какие-либо ограничения на другие интенции в реальной коммуникации. Но наличие системы и организации объектов интенционального пространства дает основания констатировать некоторую устойчивость рассматриваемого пространства метаязыка бизнеса.

Рассматривая изолированно входные пространства (логичекий подход), следует иметь в виду, что «живые системы», к которым относится и язык, существует в пространственно-временном континууме и конечный продукт языковой деятельности – текст – возникает только в результате взаимодействия всех составляющих этого пространства.

Так, наблюдается некоторая зависимость и взаимосвязь определенных актуальных смыслов (АС) и интенций. Например,

АС «санкции» – интенция аргументации: *В связи с задержкой в представлении Вами банковской гарантии мы вынуждены приостановить поставку;*

АС «взаимодействие субъектов» – интенции обязательства / обязанности: *Фирма обязуется оплачивать Агенту вознаграждение.*

Примеры взаимодействия актуальных смыслов и интенций в рамках высказываний и далее – текстов – подтверждают идею о существовании смешанных блендов.

Как и для актуальных смыслов концептуального пространства, невозможно охватить все интенции, характерные для метаязыка бизнеса. Можно только очертить контур этого пространства, который может быть расширен в любой его точке. Тем более, что интенциональное пространство охатывает прежде всего сферу дискурса и, следовательно, демонстрирует еще большую открытость, диссипативность и нелинейность языково системы.

Стилевое пространство. Объекты – тексты деловой устной и письменной речи.

Используя методы логического подхода, тексты метаязыка бизнеса классифицируются в зависимости или от содержания (референция), или от установки (намерения).

Так, стилевое пространство можно рассматривать как пространство реализации интенций (объектов интенционального пространства), где тексты фактически выступают как языковые средства выражения интенций. Соотношение жанров текстов делового общения и интенций коммуникантов достаточно четко прослеживается, например, интенция «приглашение» – жанр: письмо-приглашение, интенция «претензия» – жанр: рекламация, интенция «предложение» – жанр: оферта и др.

Однако в условиях реальной коммуникации конечный продукт языковой деятельности (текст) должен адекватно отразить все аспекты, т. е. логический подход, оперирующий дискретными явлениями и представляющий группировки текстов в соответствии с заданными критериями, в стилевом пространстве формирующегося метаязыка бизнеса оказывается недостаточным. Возникает необходимость в континуальном описании языка, «в котором явление определяется вектором направления». Иными словами встает вопрос об организации объектов стилевого пространства.

Для адекватного представления этого пространства нам представляется плодотворной идея В. Г. Костомарова о *конструктивно-стилевых векторах (КСВ)*, представляющих собой «отвлеченные стилевые установки, задающие не определенные наборы средств выражения и приемы их конструирования, но специфичные направления их выбора из общего источника, становящегося на глазах все более однородным в функциональном плане»[14].

Функции КСВ:

- обеспечение перехода внеязыковой реальности в языковую;
- связь информационной стороны текста с языковой оболочкой;
- детерминированность выбора и композиции выразительных средств типизированными направлениями.

Если рассматривать КСВ с позиций лингвосинергетики, то по своей сути они являются *аттракторами*, которые определяют направления развития языковой системы.

Стилевое пространство любого метаязыка ограничено и, что гораздо важнее, задано КСВ специальной книжности в плане коммуникативной установки, отбора языковых средств и композиции текста. Однако, в отличие от других метаязыков, пространство метаязыка бизнеса не ограничивается данным КСВ.

Это связано прежде всего с пространством референции: метаязык бизнеса существует не только для узкого круга специалистов. Бизнес-среда старается быть доступной, понятной обществу и органично вписаться в него. Достижение этой цели суть специального бизнес-процесса – PR, задача которого – донести до общества полезность и нужность деятельности компании, объяснить сущность бизнес-процессов и доказать в конечном счете обществу, что бизнес-среда обеспечивает жизненно важные потребности людей.

Соответственно порождаемые тексты уже не ограничиваются КСВ специальной книжности. Стилевое пространство метаязыка бизнеса испытывает воздействие других векторов: массмедиа и разговорности. Такие стилевые явления в парадигме лингвосинергетики квалифицируются как флуктуации. Их субъективность и сиюминутность порой диктуют «моду» на опреде-

ленный тип текста, так что любое из стилевых явлений может стать аттрактором и определять направление развития стиля.

Наше исследование показало, что стилевое пространство метаязыка бизнеса находится в стадии становления, о чем свидетельствует недостаточная упорядоченность и закрепленность за этой сферой жанров как устной, так и письменной формы.

Находясь в зоне действия аттрактора – КСВ специальной книжности, это пространство испытывает воздействия извне, исходящие от аттракторов КСВ разговорности и КСВ массмедиа, что вызывает флуктуации в системе, в результате чего тексты определенных жанров начинают приобретать не свойственные для данного метаязыка черты.

Однако наблюдается достаточная устойчивость в использовании языковых средств при конструировании текстов метаязыка бизнеса, что уже само по себе показательно и свидетельствует о том, что на сегодняшний день метаязык бизнеса получил достаточную оформленность, чтобы его можно было квалифицировать как самодостаточный лингвистический феномен.

Представленный метаязык бизнеса представляет собой систему, целостность которой является не столько результатом предшествующего ее развития (что для метаязыка бизнеса в настоящий момент в принципе невозможно, поскольку это новый языковой феномен), сколько определяется ее способностью сохранять в определенном временном измерении устойчивость, несмотря на непрерывность процесса ее развития.

Проведенное исследование метаязыка бизнеса ни в коей мере не претендует на исчерпывающее описание, так как этот процесс еще не закончен: интенсивно развиваются новые виды бизнес-деятельности, которые требуют от языка адекватной реакции, а от лингвистики – соответствующего описания.

Мы же попытались представить континуальное описание системы метаязыка бизнеса. С этой целью были использованы методы логического подхода (и его разновидности – когнитивного), позволяющего адекватно представить конституирующую часть языковой системы, и синергетического – для описания его динамической составляющей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Степанов Ю. С.* Функции и глубинное // Вопросы языкознания. – 2002. – № 5. – С. 3–18.

[2] *Степанов Ю. С.* Язык и метод. К современной философии языка. – М., 1998.

[3] *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М., 1986.

[4] *Кубрякова Е. С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34–47.

[5] *Jackendoff R.* Sense and reference in a psychologically based semantics // Talking minds: The study of language in cognitive science. – Cambridge (Mass), 1984. – P. 49–50.

[6] *Меликишвили И. Г.* Линейность языкового знака с точки зрения фонологических закономерностей (К целостной и телеологической интерпретации языкового знака) // Вопросы языкознания. – 2001. – № 3. – С. 48–56.

[7] *Хайдеггер М.* Время и бытие. – М., 1993.

[8] *Тоффлер О.* Предисловие // Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М., 1986. – С. 16.

[9] *Jakobson R.* Language in literature / Ed. By Pomorska K., Rudy S. – Cambridge (Mass.); London, 1987. – P. 378.

[10] *Герман И. А., Пищальникова В. А.* Введение в лингвосинергетику. – Барнаул, 1999. – С. 7–8.

[11] *Баркова Э. В.* Пространственно-временной континуум культур в парадигме синнергетики // Синергия культуры: Труды Всероссийской конференции / Под ред. проф. А. В. Волошинова. – Саратов, 2002. – С. 59–63.

[12] *Караулов Ю. Н.* Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. – М., 1989. – С. 3–8.

[13] *Формановская.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. – М., 1998.

[14] *Костомаров В. Г.* Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. – М., 2005.